

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ**

На правах рукописи

Сыродеева Ася Александровна

**ЛОКАЛЬНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИО-КУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.**

Специальность 09.00.11 — социальная философия

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Москва — 1994

Работа выполнена в лаборатории междисциплинарных проблем
общественного сознания Института философии РАН

Начальник лаборатории — доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент АПН Б.А.Грушин

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор А.С.Панарин
кандидат философских наук С.В.Кайдаков

Ведущая организация — Институт социологии РАН

Защита состоится "14" ноября 1994 г. в "14" часов на заседании
Специализированного совета Д.002.29.02 при Институте философии
РАН (119842, Москва, ул.Волкомка, 14).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
философии РАН.

Авторская копия " " 1994 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета
кандидат философских наук

И.А.Крылова

И.А.Крылова

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. В кризисные для устоявшегося миропорядка периоды локальные социальные образования, процессы и соответствующие им установки обретают особую, дополнительную актуальность. Вторую половину XX века характеризует атмосфера ожидания возможных катастроф глобального масштаба (экологической, военной). Другая важнейшая особенность времени — тенденция к падению роли социальных скреп, некогда обладавших мощным интеграционным потенциалом (тоталитарные идеологии, отчасти мировые религии). Руинизация, затронувшая самые разные уровни функционирующего социума, сделала локальные формы более заметными, демонстрируя их принципиальную адекватность для самореализации социальных субъектов.

Сказанное не надо понимать так, будто при этом оказались подорваны основания любой формы целостности и единения. Объектом критического осмысления стала главным образом система представлений, господствовавшая в общественном сознании в течение последних трех столетий, а также связанные с ней формы социальной организации. Обвинения в адрес модернистского мировоззрения касаются потенциала насилия, властного контроля, содержащегося в иерархическом структурировании общественной реальности с выраженным доминированием центра и "верха"; линейно-восходящих, безальтернативных форм развития, базирующихся на апелляции к норме, идеалу; тактики насаждения тех или иных социальных рецептов в качестве всеобщих.

Отмеченные объективные обстоятельства кризиса и критического переосмысления некогда стабильной социо-культурной ситуации провоцировали поиск альтернатив. При этом предпринимавшиеся шаги были нацелены не на конструирование чего-то более совершенного, а на выявление моментов органичного течения человека в социуме, но в силу каких-то причин скрытых без должного внимания, либо преднамеренно игнорированных, дискредитированных. Установка на должное, рационально обоснованное стала сменяться чутким вниманием к ритму жизни. Именно этот сдвиг сделал актуальным исследование актуальности.

Локальность не является социо-культурным феноменом, свойственным лишь второй половине XX столетия: очевидно, что самые разные эпохи знали о неповторимости мига, уникальности того или иного места в пространстве, ценности и своеобразии фрагмента художественного произведения и т.п. Тем не менее, применительно к нынешнему историческому периоду локальность, представляющую собой пространственно-временные формы эпизодичности, дисконтинуальности, разорванности социальной реальности, можно считать одним из символов времени. Она настойчиво дает о себе знать в самых разных областях жизни социума, проявляясь во фрагментарном способе функционирования, типе мировосприятия социальных субъектов.

Так, например, в сфере экономики весомый статус обретает мелкий предприниматель. При всей своей продуктивности и экономичности массовое производство не столь чувствительно, не так быстро и безболезненно, как мелкое, способно откликаться на меняющийся спрос или наоборот пробуждать его. Между тем подобная "сенситивность", делающая акцент на момент новизны, позволяет выиграть время, что, по всей видимости, является одной из наиболее результативных установок в обществе потребления. Общественный спрос меняется скорее случайным образом, а потому плохо поддается рациональному предсказанию. Малый бизнес в этом смысле оказывается куда более адаптивным, чем крупные корпорации.

Межсубъектное взаимодействие все более определено характеризует новая система установок в отношении социальных меньшинств. В результате демонтажа многих видов социальных иерархий, строившихся по национальному или этническому, религиозному или половому признакам, а также в ходе распада целого ряда крупномасштабных общественных систем, на социальную арену вступили образования, ранее не имевшие на это ни прав, ни возможностей, будучи упрятаны, увязаны в сложные структуры, и лишены статуса независимости, собственной социальной ниши. Субкультуры самой разной направленности при этом полностью не утрачивают свойства социальной периферийности. Однако, устранение четко выраженной позиции социального центра, наделенного существенным объемом власти, способствует обретению

многочисленными социальными меньшинствами статуса реальных социальных субъектов.

В общественных науках широкое распространение получает тип исследований, именуемый "case study" — предполагающий изучение главным образом конкретного случая, ситуации. Соответствующая ему исследовательская установка базируется на том, что ученый сознательно сужает фокус своего внимания, нацеливает его на частное, которое пытается, тем не менее, подвергнуть как можно более подробному и разностороннему анализу. Отдельный локус, таким образом, обретает статус полноправного и независимого предмета изучения.

В области искусства утверждаются жанры, характеризуемые композиционным сдвигом в направлении мозаичности, когда деталь, фрагмент, эпизод оказываются довлеющими — обрета самостоятельность и будучи погруженными в мир разнородных структурно-осколочных образований. Среди примеров подобного сдвига в границах одной лишь страны могут быть названы цитатные произведения А.Шнитке, художественно-документальные фильмы А.Сокурова, социально-многоголосная поэзия Т.Кибирова, коллажи С.Параджанова.

Несомненно, что общая тенденция актуализации феномена локальности испытывает воздействие конкретных общественно-исторических факторов. Распад социалгера, макродержавы СССР послужил существенным катализатором распространения в границах российского социо-культурного пространства принципа локальности будь то на уровне системы общественных установок или в практике поведения социальных образований. Помимо всего прочего, процессы, идущие в России, показательны тем, что сдвиги, вызванные перестройкой, касаются не только пространственного, но и временного параметра: на повестку дня вынесены вопросы как суверенитета социальных структур, так и обрывов, смены логики общественного развития. Российская социальная ткань оказалась ныне разорвана сразу по нескольким основаниям.

Итак, обращение к феномену локальности представляется существенным для ориентации в современных принципах организации социальной действительности. Более того, осмысление этого явления — предпосылка адекватного решения ряда конкретных общественных проблем сегодняшнего дня.

Цели и задачи исследования. Факт обретения локальностью заметной роли в социо-культурной реальности второй половины XX столетия определил цели работы.

Во-первых, представить степень органичности данного феномена для функционирования социального субъекта.

Во-вторых, раскрыть позитивные возможности и одновременно ограничения, опасности, которые несет локальность по мере все более широкого своего распространения и глубокого проникновения в ткань общественной жизни.

Для реализации этих целей были сформулированы следующие задачи:

1. Выявить ряд социальных процессов, с которыми связана нынешняя актуализация феномена локальности.

2. Проанализировать конкретные формы представленности феномена локальности в жизнедеятельности личности и на уровне социума в целом.

3. Продемонстрировать переплетенность феноменов локальности и целостности: функции каждого из них и формы сочетания.

Степень разработанности темы. Прообразы темы социо-культурной локальности могут быть обнаружены в самые разные периоды истории социально-философской мысли.

Наиболее общим и в то же время абстрактным ее выражением являются понятия частного, особенного, единичного. Однако, традиционно единичное рассматривалось, пусть и в диалектической, но соподчиненности со всеобщим. Эта тенденция воплотилась, в том числе, в статусе, который личности удалось обрести в эпоху Возрождения. Трактовка личности как "актуального всеобщего" получила отражение и в философских работах советского периода (Э.В.Ильенкова, Л.М.Баткина, Ф.Т.Михайлова и др.).

Философские исследования на границе с культурологическими дисциплинами: этнографией, лингвистикой, историей — обращаются к локальности как к методологическому принципу. Исходным условием для них считается работа с явлениями, укорененными в конкретном месте и моменте времени. Отсутствие этого условия воспринимается как угроза дисциплинарной специфике. (С микро-

событиями и микропрактиками работали К.Левин-Строс, Дж.Фрээр, представители Школы "Анналов" и др.).

В контексте постмодернистских разработок локальность выступает в еще одном качестве. Она фигурирует в ряду важнейших показателей нынешней, постсовременной эпохи. На локальность указывают в связи с теми или иными событиями, имеющими место сегодня, но используют как их прилагательное. Имя этого феномена у всех "на устах" (Ж.-Ф.Лиотар, М.де Серто, И.Хассан, С.Лаш, А.Гидденс, Ф.Джеймисон, Р.Бернштейн и др.). Однако, непосредственным, специально выделенным предметом социально-философской рефлексии он пока не стал.

Таковы общие предпосылки данной диссертации. Непосредственным же стимулом для нее явились работы по кризису субъектности (Р.Барта, М.Фуко, Ж.Деррида, Ж.Бодрийара, российских исследователей В.А.Подороги, М.К.Рыклина, Н.С.Автономовой и др.). Философская мысль нынешнего столетия пересматривает проблематику субъекта в том виде, как она формулировалась в XVII-XIX вв. Однако, при этом стигматизируется субъект особого типа — абсолютизирующий собственные права и возможности, экспансивный, нетерпимый к инаковости. Идея субъектности постепенно получает новое звучание: она тесно увязывается, в частности, с представлением о разрывности социальной действительности. При этом разрыв понимается как объективное свойство социальной онтологии, способствующее возникновению "сгустков" своеобразия в обществе, как фактор обращения той или иной социальной единицы на себя, собственную самость, наконец, как основание этики толерантности и уважения к инаковости. Локальность по сути своей соотносится с культурой самобытных социальных структур, с их жизнеспособностью. Это стратегия поведения социального субъекта, которая, учитывая принципиально фрагментарный характер социальной реальности, обуславливает гибкий способ функционирования социального субъекта, удерживает его от различных форм радикализации (Р.Рорти, А.Хеллер, З.Бауман, Дж.Урри, среди отечественных исследователей М.К.Мамардашвили, Ю.М.Лотман, Э.Ю.Соловьев, А.С.Панарин, А.В.Рубцов, В.А.Кругликов, В.Л.Глазачев и др.). Именно под этим углом зрения она рассматривается в данной работе.

Цели и задачи исследования. Факт обретения локальностью заметной роли в социо-культурной реальности второй половины XX столетия определил цели работы.

Во-первых, представить степень органичности данного феномена для функционирования социального субъекта.

Во-вторых, раскрыть позитивные возможности и одновременно ограничения, опасности, которые несет локальность по мере все более широкого своего распространения и глубокого проникновения в ткань общественной жизни.

Для реализации этих целей были сформулированы следующие задачи:

1. Выявить ряд социальных процессов, с которыми связана нынешняя актуализация феномена локальности.

2. Проанализировать конкретные формы представленности феномена локальности в жизнедеятельности личности и на уровне социума в целом.

3. Продемонстрировать переплетенность феноменов локальности и целостности: функции каждого из них и формы сочетания.

Степень разработанности темы. Прообразы темы социо-культурной локальности могут быть обнаружены в самые разные периоды истории социально-философской мысли.

Наиболее общим и в то же время абстрактным ее выражением являются понятия частного, особенного, единичного. Однако, традиционно единичное рассматривалось, пусть и в диалектической, но соподчиненности со всеобщим. Эта тенденция воплотилась, в том числе, в статусе, который личности удалось обрести в эпоху Возрождения. Трактовка личности как "актуального всеобщего" получила отражение и в философских работах советского периода (Э.В.Ильенкова, Л.М.Баткина, Ф.Т.Михайлова и др.).

Философские исследования на границе с культурологическими дисциплинами: этнографией, лингвистикой, историей — обращаются к локальности как к методологическому принципу. Исходным условием для них считается работа с явлениями, укорененными в конкретном месте и моменте времени. Отсутствие этого условия воспринимается как угроза дисциплинарной специфике. (С микро-

событиями и микропрактиками работали К.Левин-Строс, Дж.Фрээр, представители Школы "Анналов" и др.).

В контексте постмодернистских разработок локальность выступает в еще одном качестве. Она фигурирует в ряду важнейших показателей нынешней, постсовременной эпохи. На локальность указывают в связи с теми или иными событиями, имеющими место сегодня, но используют как их прилагательное. Имя этого феномена у всех "на устах" (Ж.-Ф.Лиотар, М.де Серто, И.Хассан, С.Лаш, А.Гидденс, Ф.Джеймисон, Р.Бернштейн и др.). Однако, непосредственным, специально выделенным предметом социально-философской рефлексии он пока не стал.

Таковы общие предпосылки данной диссертации. Непосредственным же стимулом для нее явились работы по кризису субъектности (Р.Барта, М.Фуко, Ж.Деррида, Ж.Бодрийара, российских исследователей В.А.Подороги, М.К.Рыклина, Н.С.Автономовой и др.). Философская мысль нынешнего столетия пересматривает проблематику субъекта в том виде, как она формулировалась в XVII-XIX вв. Однако, при этом стигматизируется субъект особого типа — абсолютизирующий собственные права и возможности, экспансивный, нетерпимый к инаковости. Идея субъектности постепенно получает новое звучание: она тесно увязывается, в частности, с представлением о разрывности социальной действительности. При этом разрыв понимается как объективное свойство социальной онтологии, способствующее возникновению "сгустков" своеобразия в обществе, как фактор обращения той или иной социальной единицы на себя, собственную самость, наконец, как основание этики толерантности и уважения к инаковости. Локальность по сути своей соотносится с культурой самобытных социальных структур, с их жизнеспособностью. Это стратегия поведения социального субъекта, которая, учитывая принципиально фрагментарный характер социальной реальности, обуславливает гибкий способ функционирования социального субъекта, удерживает его от различных форм радикализации (Р.Рорти, А.Хеллер, З.Бауман, Дж.Урри, среди отечественных исследователей М.К.Мамардашвили, Ю.М.Лотман, Э.Ю.Соловьев, А.С.Панарин, А.В.Рубцов, В.А.Кругликов, В.Л.Глазачев и др.). Именно под этим углом зрения она рассматривается в данной работе.

Методологические установки исследования. Методологической основой для данной диссертационной работы послужила достаточно отчетливо выраженная в настоящее время установка на отказ от строгости, однозначной определенности границ философского подхода к общественным проблемам и насыщение его многообразием исследовательских практик. В связи с этим в настоящей работе использовался материал социологического, социально-психологического характера, а также литературно-художественные тексты. Выбор подобной методологии определялся не только ее собственной эффективностью, как средства разностороннего и достаточно глубокого анализа, но и непосредственным соответствием предмету настоящего исследования — социо-культурной эпизодичности, фрагментарности. Естественно, что работа с таким предметом требует инструментария, приспособленного для изучения разрозненных, разноликих социальных образований и событий. Немаловажен тот факт, что трудности, которые дают о себе знать в процессе анализа мозаичной социальной реальности, в определенном смысле есть отражение объективных проблем, привносимых феноменом локальности в общественную действительность.

Научная новизна исследования состоит в следующем.

1. В силу отсутствия исследований, обращающихся к локальности в качестве самостоятельного предмета социально-философского анализа, в диссертации выделен круг обстоятельств, позволяющих констатировать существование данного феномена как характеристики общественной реальности, и в первую очередь, в качестве стратегии поведения социального субъекта. К числу таких обстоятельств отнесена плюралистичность, многоликость общественной действительности, границы-пределы и границы-преграды; разрывы внутри процессов и лакуны в структуре социальных образований.

2. Феномен локальности трактуется как совмещающий в себе пространственный и временной аспекты. В работе показано, насколько система принципов общественной жизни, базирующаяся на этом феномене, релевантна в равной мере структурным (место, компонент) и процессуальным (отрезок времени, событие) социальным моментам. Попытка освещения двух данных аспектов воспроизводит этот феномен в многообразии форм его проявления.

3. В диссертационной работе представлено расширительное толкование локальности. Данный феномен понимается не только как сторона отдельных современных процессов, а как существенная тенденция, характеризующая социо-культурную ситуацию второй половины XX столетия в целом, получившая воплощение и в общественной онтологии, и на уровне системы общественных установок.

Научно-практическое значение. В контексте интенсивных интеграционных процессов, в первую очередь экономического и информационного порядка, которые в настоящее время переживает мир, внимание к различным аспектам феномена локальности предостерегает от возможных опасных последствий глобализации. Включая в себя такие ценности, как своеобразие, самостийность социального субъекта, феномен локальности служит выражением некоторых оптимальных форм взаимодействия социальных субъектов. Это представляется актуальным как для диалога между традиционными и посттрадиционными культурами, так и для отношений между социальными субъектами на региональном уровне. Без терпимости к инаковости, без неэкспансивных установок в отношении Другого интеграционные процессы имеют опасность превратиться в насильственную ассимиляцию, обедняющую объективное социальное многообразие.

Кроме того, ряд моментов, обсуждаемых в данной диссертации, имеет непосредственное отношение к проблемам индивидуального порядка. Речь идет о психологической помощи на этапе радикальных социальных трансформаций, а также в сугубо личные кризисные периоды. Эффективной в этом плане представляется установка на выработку навыков преодоления ситуаций обрыва, ломки сложившейся логики жизни, а также формирование культуры саморедескрипции, позволяющей личности мобилизовать себя на создание и/или обнаружение новой идентичности, организацию жизненного процесса, соответственно ей.

Нынешние события в странах бывшего Советского Союза со всей отчетливостью демонстрируют, что проблема смены идентичности превосходит рамки вопросов чисто личностного свойства. Идентификационный кризис в этих государствах касается социальных субъектов разного масштаба, в том числе и их самих в

целом. Умение жить с меняющимся представлением о прошлом, настоящем, будущем собственной страны предполагает определенный тип социальных навыков. Феномен локальности, как показано в данной диссертационной работе, имеет прямое отношение к некоторым из них.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании лаборатории междисциплинарных проблем общественного сознания Института философии РАН 13 октября 1994 г.

Основные результаты исследования данной темы отражены диссертантом в публикациях, указанных в конце автореферата. Отдельные положения и выводы диссертационной работы были изложены автором в выступлениях на конференциях и семинарах как у нас в стране, так и за рубежом: "Социальная критика теории модернизации: трансформирующаяся Европа и Советский Союз" (Москва, 1991), "Россия на переломе эпох: коррекция образов" (Москва, 1993), "Интеллигенция в условиях кризиса" (Москва, 1993), III ежегодная встреча Международного исследовательского совета по проблемам беженцев и вынужденных мигрантов (Оксфорд, 1992), "Соседские культуры" (Эрлингхаузен, Германия, 1994).

Основное содержание работы

Диссертация состоит из введения, двух глав, каждая из которых включает два параграфа, и заключения.

Во введении дается обоснование актуальности исследования, характеризуется степень разработанности темы, формулируются цели и задачи исследования, представлены его методологические установки.

В первой главе "Объективные основания локальности" описывается, что собственно представляет собой феномен локальности. Его идентификация осуществляется по двум направлениям (соответственно реализованным в параграфе 1.1. и 1.2.). В первом из них выявляется ряд фактов, которые в принципе дают возможность констатировать существование данного феномена. Представлены эти факты сквозь призму современных общественных процессов. Во втором параграфе исследование сфокусировано на процессы массовизации как тот непосредственный социальный контекст, который способствует распространению феномена локальности во второй половине XX столетия.

Предпринятый в первом параграфе "Опыт определения феномена локальности" анализ моментов, делающих данный феномен "осязаемым", свидетельствующих о его реальном существовании, начинается с обращения к факту социальной многоликости, которая может быть онтологического и гносеологического, аксиологического и эстетического порядка. Говоря о плюралистичности, несомненно, важно отдавать отчет в том, что она порождает в обществе по меньшей мере две группы проблем: как обеспечить целостность внутренне дифференцированной социальной системы, и каковым быть характеру отношений между непохожими социальными образованиями. Отдельное место в работе отводится рассмотрению сдвига в общественном сознании второй половины XX в., который делает плюральность особенно ощутимой, ценностью значимой. Суть сдвига, в частности, состоит в том, что истина начинает пониматься не как нечто объективно раз и навсегда данное, а как продукт человеческого сознания, меняющий свой облик в зависимости от конкретной мировоззренческой ситуации, от позиции отдельного

социального субъекта.¹ "Дробление" истины фактически приводит к утрате ею статуса абсолютного критерия оценки. При этом универсальную систему отсчета сменяет множество частных, относительных, случайных. Таким образом, дан "зеленый свет" вариативности.

Локальность возможна по причине и другого обстоятельства. Многоликость мира базируется на том, что своеобразие каждого социального элемента гарантируется и защищается обрамляющими пределами, они же препятствуют экспансии на чужую территорию, наконец, предотвращают смешение. Однако, при всех своих ограждающих и претраждающих возможностях границы в той или иной степени проницаемы и подвижны. Чуть ли ни в каждую сферу социальной действительности сегодня врывается сомнение относительно тех или иных границ. Так ли определена грань между искусством и псевдоискусством, нормой и патологией, мужским и женским началом? И все же вряд ли в какой-либо из социальных областей вопросы-сомнения стали предвестниками полного устранения границ. Скорее данные вопросы сделали факт существования последних более очевидным, а отношение к ним более дифференцированным.

Третье обстоятельство — разрывы: лакуны внутри гомогенных образований, паузы в развертывании процессов. Приближение "fin de siècle" создало атмосферу повышенной чувствительности прежде всего к временному, процессуальному аспекту данного факта. Этому способствует и такая причина, как возросшая социальная мобильность, которая периодически ставит нашего современника в ситуацию смены социальных ролей, перемещения в социальном пространстве, а нередко и изменения самоидентификации. Наконец, не последнюю роль играют геополитические изменения, вызванные распадом социалистического лагеря. В результате, общепризнанная континуальность предстала тесно переплетенной со своей противоположностью — дисконтинуальностью.

---

¹См., например: Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Manchester, 1984; Bauman Z. *Legislators and Interpreters: On Modernity, Postmodernity and Intellectuals*. Cambridge, 1987; Rorty R. *Contingency, Irony and Solidarity*. Cambridge, 1989.

Если, отталкиваясь от узловых точек, очерчивающих контуры феномена локальности, указывающих на него, привлекающих к нему внимание, попытаться определить, в чем суть данного феномена, какова его плоть и кровь, то в немалой мере этому помогает этимология имени феномена.

Прежде всего, локальность — указание на место в социальном пространстве и времени. Как правило, место имеет свой неповторимый колорит, социальный почерк, "дух" (В.Л.Глазычев), это некий микромир, живущий до определенной степени в соответствии с собственным ритмом, собственными законами. Место выполняет существенную роль в процессах идентификации. Оно наделяет социальное образование, процесс наиболее стабильными и непреходящими чертами их облика: иметь корни (быть укорененным, пустить корни) и жить силой, которой они питают, можно лишь в конкретном месте. Ничто не является жестко привязанным к социальному контексту и непереносимо на иную почву. Однако, погруженность в конкретные условия с неизбежностью накладывает специфический отпечаток. На карте социальной действительности Место случайно, оно одно из многих других. Но при этом характеризуется уникальной, самобытной сущностью.

Очевидно, что место возможно лишь как нечто обрамленное, имеющее границы. Поэтому, локальность есть кроме того предупреждение о пределах, об обрывах. Она напоминает о вечном, небесконечном; о невозможности чему-то быть, равно как и что-то встречать всюду либо всегда. По сути своей локальность есть выражение относительности, свойственной социальной действительности и противостоит различным формам абсолютизации. Жизнь в соответствии с локальностью социальной реальности предполагает определенную степень аскетичности. Личность в этом случае учится отказываться от экспансивных претензий и одновременно обретает психологическое подспорье, позволяющее преодолеть состояние утраты личностно значимого. Другость, изменчивость впускаются в жизнь субъекта, включаются в его картину мира, способствуя гибкости, мобильности, склонности к саморедескрипции. Одновременно признается объективность существования Другого, качественно отличного, его права как субъекта и непозволительность оккупировать его, чисто

волонтаристски насаждая инородную ему логику, чуждые принципы существования.

Во втором параграфе "Локальность в контексте событий XX в.: воздействие процессов массовизации" показано, в какой мере распространение феномена локальности во второй половине XX столетия обусловлено процессами массовизации. При этом анализ был сфокусирован на проблеме субъектности членов массового общества.²

Масса представляет собой монофункциональное образование. Она обычно складывается по поводу какой-то одной деятельности и функционирует именно в ее логике. За пределами этого плана активности она утрачивает основания для собственного существования и распадается. Очевидно, что с соответствующей деятельностью увязано и членство в массе. Будучи распахан для всех без исключения желающих, этот тип структуры на деле предоставляет лишь одну форму активности. Включенность именно в нее "спрашивается" со вступивших в массу. Качества и навыки иной содержательной направленности в период пребывания в массе остаются социально невостребованными.

Помимо отмеченного, для массы характерен и другой вид лимитирования вариативности существования ее членов. Внутри единственной для массы деятельности отсутствует какая-либо дифференциация, ибо масса в принципе бесструктурна. С устранением же функциональной специализации, как правило, исчезает одна из существенных форм выражения своеобразия каждого из членов общности. Любая роль в равной мере принадлежит каждому из участников. Всякое действие оказывается анонимным и одновременно в некотором смысле коллективным: оно уже конкретно ничье, но никто не может от него и отречься.

---

²Данный вопрос в диссертации обсуждается с опорой на следующие работы: Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С.127-163; Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987; Канетти Э. Человек нашего столетия. М., 1990; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. 119-154, № 4. С. 114-155.

Двухступенчатая операция выравнивания — "упрощение" каждого из входящих в массу при одновременном устранении различий между ними — превращает любого рода акт ее участника в акт наравне с другими и в ряду других, иными словами, в акт лишенного личностной дискретности. Индивид растворен в теле массы. Последней свойственно действовать всем корпусом, ей не известен принцип "кто-то".

Сказанное не следует понимать, будто масса по своей природе есть однозначно репрессивное социальное образование. В диссертации демонстрируется, как такого рода членство нередко оказывается предметом личного выбора, своего рода психологической альтернативой, противопоставляемой по какой-то причине не удовлетворяющему субъективному состоянию.

Однако, в собственно массовом обществе "путь" к массе предельно сокращен, ибо она оказывается практически повсюду. Проникновение и укоренение массы на все новых и новых территориях социального пространства в немалой степени обусловлено склонностью каждой конкретной массы "обволакивать" внешнеотстоящие островки социальности, рекрутируя в свои ряды новых членов посредством самых разных техник. Она "нечувствительна" к социальным границам, обрамляющим, символизирующим и защищающим специфику иных социальных миров. Масса "насаждает" свое влияние, в ней всегда содержится потенция агрессии.

В ходе массовизации общественной жизни трансформациям подвергаются как процессы самоидентификации, так и отношения между людьми, по сути утрачивающие черты межличностного контакта. Воплощением Другого становится некоторая собирательная фигура. Она внутренне не дифференцирована, а потому акт обращения лишается своей привычной адресности.

Более подробный анализ воздействия процессов массовизации на субъектность, которая лишается главной своей характеристики — нартикулярности, в диссертации дан на примере средств видеокommunikации, подрывающих принцип границы в самом широком смысле, тем самым существенно способствуя диффузии, рассеиванию субъектности.

В настоящее время человек обрел возможность преодолевать громадные расстояния не только на очень высокой скорости, но и

практически без каких-либо затрат собственных сил и времени — в частности, находясь лишь перед видеозэкраном. С помощью многоканальных средств видеокommunikации наш современник в силах соприкоснуться чуть ли ни с любой реальностью, совместить как близкое, так и отстоящее в пространстве и времени. Тем самым он как бы престоупает собственные естественные рамки, становится в некотором смысле безграничным.

Однако, парадоксальность возможностей, открываемых нынешним историческим моментом, состоит в том, что параллельно с расширением горизонта восприятия субъекта, неограниченным увеличением форм его социального участия, сам он также не может скрыться от пронизательной силы информационного луча. На разного рода дисплеи выводятся показатели, отражающие работу человеческого сердца и печени, состояния сна и бодрствования, эмоциональные перепады, равно как и передвижение в пространстве, контакты с другими людьми. Мир частного в принципе лишается традиционной своей защищенности, превращаясь в предмет всеобщего обозрения, он распахнут для окружающих.

Каким бы катастрофичным ни представлялось воздействие процессов массовизации на функционирование социальных субъектов XX в., нельзя не признать: в обществе ничто не может быть уничтожено единичным, пусть и очень влиятельным, фактором. Прежде, чем определенное явление окажется "задушено", не одна его модификация будет опробована. Среди таких реальных возможностей, выплеснутых процессами массовизации на поверхность общественной жизни, — локальность, представляющая собой субъектность, реализуемую в ограниченных пространственно-временных масштабах. Таким образом, можно говорить о существовании достаточно сложных, неоднозначных отношений между массовизацией и локальностью. Собственным нигилизмом самостоятельности, специфичности, вопросом: быть или не быть их спасению, — массовизация фактически привлекает внимание к ним, делает их актуальными для общественного сознания. Остается лишь поменять знак отношения к ним, чтобы усилия были направлены не на искоренение, а на отношение к ним как к актуальной для настоящего момента ценности. Смена же знака возможна, потому что феномен локальности представляет собой несколько видоизменяющую форму субъектности.

Вторая глава "Социо-культурные модусы локальности" представляет некоторые конкретные формы воплощения анализируемого феномена. Об актуализации социо-культурных процессов свидетельствует степень их проникновения в текстуру сугубо личной сферы. Поэтому эта глава открывается обсуждением вопросов, имеющих отношение к жизни отдельного человека, (параграф 2.1.). Будучи же одним из знаков времени, феномен локальности естественным образом обнаруживает себя и в жизнедеятельности совокупного социального субъекта. Более того, определенные аспекты этого феномена проявляются с особой отчетливостью именно на уровне системных социальных образований. Рассмотрению отдельных аспектов такого рода посвящен параграф 2.2.

В первом параграфе "Локальность в структуре жизни личности" рассматривается ряд аспектов существования личности, с которыми непосредственно связан феномен локальности. К числу таких аспектов принадлежит общая логика жизни индивида. Траектория жизненного пути у разных людей далеко не одинакова, вариативно и отношение к возможным рисункам пути.

Типичным для советской действительности было представление, объявлявшее аналогом предпочтительной логики индивидуальной жизни прямолинейный вектор, устремленный в направлении некоторых существенных целей. Жизненный путь понимался как непрерывное развитие, внутренне связанное приверженностью значительному, как постоянное восхождение.

Цельность характера, стиля жизни с полным правом может рассматриваться как желаемое. Однако не следует недооценивать роль факторов самой разной природы (индивидуальной, межличностной, общесоциальной), способных серьезно воздействовать на "траекторию" жизни. Любой человек и бывает вынужден, и имеет склонность время от времени сходить с прежней "тропы", по тем или иным причинам утратившей для него смысл, либо заблокированной, и вступать на новую.

В нынешнем динамичном мире в особенности сложно оставаться в рамках единожды осуществленной идентификации. Изменчивое социальное окружение заставляет периодически переосмысливать собственный облик, представления, способ существования. При этом

личность демонстрирует не беспрерывную карнавальную смену ролей, масок, позиций, но скептически-ироническое отношение к себе, готовность при необходимости к самопересмотру, к поиску нового языка самовыражения. Если признается некоторая степень внутренней разорванности логики индивидуального бытия, тогда та или иная форма блокировки не создает хаоса или вакуума смыслов и ценностей. Последствием же представления об однозначно цельной логике индивидуальной жизни подчас оказывается отсутствие "иммунитета" в отношении разного рода изменений, тем более кардинальных. Единый и единственный стержень жизни, встречая на своем пути преграду, легко ломается, а все, что выстраивалось относительно него, распадается. Давление, оказываемое переоценкой всей жизни, необычайно травмирует.

Все сказанное не означает абсолютизацию разрывов, непоследовательности, спонтанности. Континуальные и дисконтинуальные моменты на самом деле переплетены в индивидуальном событийном ряду, и личность то совершает усилие по сборке эпизодов со своим участием, то пытается прервать неумолимый поток событий.

В качестве собирательного понятия по отношению к локальным образованиям, которые стали возможны в результате разрывов в логике жизни и из которых складывается ломаная линия жизни, ее отрезки, в диссертации предлагается термин "малое". Мир малых форм и есть тот самый мир, в котором протекает реальная жизнь личности. Через малое действительность является каждому (играя своей многогранностью, она повернута к нам всякий раз лишь какой-то из сторон), и в малых же формах мы себя в ней реализуем. Что приносит такого рода мир в жизнь человека? Малое — это то, из чего собственно складывается окружающая человека реальность, а потому нерачительное отношение к моментам на первый взгляд незначительным грозит утратой и более серьезных, фундаментальных вещей. Своим существованием мир малого предполагает признание действительности отличной, нетождественной; он не экспансивен, в нем лишены оснований претензии на глобальность, например, иметь безраздельную власть над всеми аспектами существования того или иного предмета, субъекта, или желание видеть определенное явление непротиворечивым, постоянным. В то же время детали и эпизоды на деле есть посредники между нашим приватным миром и миром отстоящим. Они выступают в роли своего рода сигналов-намеков,

знаков, информирующих, предупреждающих человека, либо подсказывающих, настраивающих на иную тональность. Вот почему важно уметь их воспринимать и читать.

Идея малого не просто помогает создать систему отношений человека с миром, соответствующую элементарным принципам гуманности, но и определить то положение, на которое вправе надеяться и претендовать человек в мире — его реальные возможности. При этом подразумевается не только ограниченность, присущая человеческому существованию, но и самодостаточность. Человек, будучи чем-то малым, вполне независим. Инспирируя собственными перманентными сомнениями акт пересмотра сложившегося личного облика, стиля жизни, индивид склонен осуществлять редескрипцию по собственному же сценарию — явить себя в соответствии с задуманным им самим образом, получающим воплощение в индивидуально выработанной знаково-смысловой семантике.

Являясь характеристикой органичной для практики повседневной жизни личности, для некоторых людей локальность может выступать помимо всего прочего в качестве стиля самовыражения. В этих случаях она оказывается оттенком, который просматривается одновременно в разных аспектах существования социального субъекта. Ибо стиль зиждется на внутренней предрасположенности — это то, во что верят, на что ставят, что является продуктом выбора. Диссертант полагает, что обращение (в частности, на примере поэтического творчества Т.Кибирова) к случаям темпераментной включенности, приверженности локальному принципу-стилю позволяет с особой отчетливостью ощутить одну из объективных тенденций времени.

Во втором параграфе "Локальность и социум" из числа аспектов феномена локальности, которые непосредственно связаны с функционированием социума, в центр внимания был вынесен вопрос о социальной многоликости и возможных формах отношения к ней.

Как известно, различия между социальными субъектами могут быть обнаружены на уровне системы представлений, практик повседневной жизни, материальных и идеальных результатов жизнедеятельности. Работая с языком как образованием, соотносимым с многочисленными формами самовыражения социальных субъектов, Р.Порти усматривает разнообразие

социальных языков в случайности, иными словами в их исторической обусловленности конкретным местом и временем, и в этом смысле, в их локальности.³

В принципе, факт плюралистичности социальной реальности никем не ставится под сомнение. Проблема же, относительно которой нет общепринятого понимания, состоит в следующем: как расценивать конкретные формы сосуществования социальных языков; насколько качественное своеобразие, будучи продуктом случая, изменчивых обстоятельств, имеет право на определенную степень локального — обособленного — пребывания в социуме. Будучи нагружена немалым этико-политическим смыслом, эта проблема сегодня является предметом серии социально-философских дебатов.

Сторонники одной позиции считают, что плюрализм разрозненных социальных языков, одновременно циркулирующих в обществе, представляет серьезную помеху эффективному функционированию социальной системы, а потому несоблюдимы общесоциальные принципы регламентации деятельности различных социальных субъектов, входящих в системное образование. Те же, кто стремятся сохранить за социальной диверсификацией статус-кво, расценивают попытки обнаружения либо выработки некоего общего, всеми разделяемого, принципа существования в социуме как насилие над естественным состоянием каждого отдельного социального субъекта.

Две названные позиции нередко рассматриваются как находящиеся в отношениях противостояния. Взгляд со стороны позволяет увидеть, что оба подхода фактически решают собственную специфическую, однако, в равной мере актуальную задачу. В одном случае — это задача организации сбалансированного социального взаимодействия, в другом — предупреждения о возможных его обрывах, а также о негативных последствиях.

В контексте рассматриваемых в диссертации вопросов особый интерес представляют аргументы сторонников второй позиции, в частности, их критика "техник" социального единения. Например, двух ключевых модернистских мифов-повествований, которые некогда обладали внушительной интеграционной силой. Один из этих мифов оперировал принципами справедливости, равенства,

---

³Rorty R. Op.cit.

эмансипации, другой — научности, рациональности, истины. И в том, и в другом случае ставка делалась на Абсолют. Тем самым решалась задача всеобщего приобщения к провозглашаемым идеям и их всеохватности: будь то через претензию на равное выражение чаяний всех субъектов общества или через предоставление решений-рецептов, опирающихся на истину, а потому наиболее эффективных, всегда и везде применимых.

Отказ от типа социальной интеграции, базирующегося на двух названных мифах, прежде всего вызван тем, что последние оказались взорваны изнутри. Так, рационалистически-сциентистский миф, строившийся в значительной мере на принципах развития классической науки Нового времени, не может совладеть с натиском со стороны нарождающихся научных дисциплин. Последние ускользают из-под власти некогда единого языка, в котором прежде для любой научной области задавались и цели, и нормативы, и критерии оценки результатов. Кризис "единства" внутри научного знания явился серьезным препятствием для некогда распространенного переноса пронаучных форм легитимации на иные области общественной жизни.

Вместе с тем, миф о равенстве обнаружил потенциал насилия, содержащийся в нем. Ибо выдвигание лозунга унификации прав самых разных социальных образований нередко выливается не просто в пренебрежение к специфичности конкретного субъекта, но и в практику приведения различного рода инаковости в соответствие с некоторым представлением об идеале общественного жизнеустройства. К этому следует добавить, что всякий идеал в действительности провозглашается с позиций определенной общности — как бы она ни пыталась завуалировать свои пристрастия, как бы ни казалось ей, что она оперирует всеобщими критериями, принципами — и фактически используется в виде рычага власти.

Помимо сказанного, названные мифы к настоящему времени продемонстрировали оборотную сторону идеи роли мощных социальных скреп как средства уравнивания разнонаправленности социальных структур и гаранта слаженного функционирования социальной системы. Сегодня очевидно, что общество, внутренне разными способами жестко сцепленное, отличается высокой степенью репрессивности и кроме того не всегда способно на мягкие модификации. Нередко оно либо не реагирует на

требования времени и ситуации, либо отзывается революционными преобразованиями, "большими скачками".

Тем не менее освещение места феномена локальности в современной социо-культурной ситуации было бы не объективным без признания возрастающей роли принципа дополнительности "оба/и" по сравнению с логикой стабильных бинарных оппозиций, строящихся на принципе "либо/либо". Принцип "оба/и" интересен именно тем, что объединяет в себе установку на социальную связь при сохранении социальной плюральности. Похоже, это — формула социальной организации, которая готова удовлетворить сторонников и "принудительного примирения", и "радикальной дисперсии" (Р.Бернштейн).⁴ Не случайно, ее все более определенно считают основанием современной общественной констелляции. Некоторая же абстрактность данной формулы оставляет свободу для реальных форм ее социального воплощения.

В заключении отмечается, что локальность тесно переплетена, сцеплена с феноменом целостности. В качестве социальной идеи и принципа социальной практики локальность способна поставить под сомнение устои некогда монолитно-незыблемых систем (в том числе через разоблачение содержащихся в них элементов насилия, агрессии). Но в то же время для различного рода социальных фрагментов сохраняет актуальность вопрос об их определенной состыковке друг с другом, о внутренней интегрированности. За каждым из двух названных феноменов стоит своя группа актуальных ценностей: с одной стороны, автономность, самостоятельность, с другой — совместная деятельность, сопричастность. Последовательно реализуемый принцип локальности — благодаря презумпциям о контекстуальной привязке и об ограниченности, предельности возможностей любого социального явления — предостерегает от различного рода абсолютизации. В частности, от той, что сама локальность в состоянии выступать равнопродуктивным способом описания, объяснения и организации на всем пространстве социальной реальности второй половины XX столетия. В век глобализации, мощных интеграционных процессов в сфере экономики,

---

⁴Bernstein R.J. The New Constellation. The Ethical-Political Horizons of Modernity/Postmodernity. Cambridge, 1991.

коммуникации от того, какое преломление ценности, связанные с идеей целостности, получают в явлениях локальности, будет зависеть роль, которую последние фактически сыграют в обществе.

Основное содержание диссертации нашло отражение в следующих публикациях диссертанта:

1. Ирония как стратегия бытия //Философские маргиналии. М.: Институт философии АН СССР. 1991; а также — Новый круг. Международный литературно-философский журнал. Киев. 1993. № 1. — 0,4 а.л.
2. The Idea of Modernity: Psychological Consequences //The Social Critique of the Theory of Modernization: Transforming Europe and Soviet Union. М.: Institute of Sociology, RAS. 1991. — 0,2 а.л.
3. In Search of New Social Identity (Soviet Refugees' Case) //Social Sciences. М., 1992. № 3. — 0,2 а.л.
4. Судьба социального субъекта в культуре XX в. //Социодинамика культуры. Вып.2. Социо-культурная дифференциация. М.: Институт социологии РАН. 1993. — 0,8 а.л.
5. Локальность как социо-культурный феномен второй половины XX в. //Вопросы философии (в печати) — 0,8 а.л.

Подписано в печать 18.12.94г. Заг.№ 080-94
Объем 1,4уч.изд.л., 1,8леч.л. Тир. 100 экз.
Отпечатано на ротарной ИФРАН,Воскожа, 14.

18.12.94